

891.7
3-43

А. И. Звѣздинъ.

О БОЛДИНСКОМЪ ИМѢНІИ

А. С. Пушкина

ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

И О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ НЕМЪ ПОЭТА

ВЪ 1830-ХЪ ГОДАХЪ.

21 сь литографированнымъ портретомъ А. С. Пушкина,
сохранившимся въ с. Болдино).

Нижній-Новгородъ.

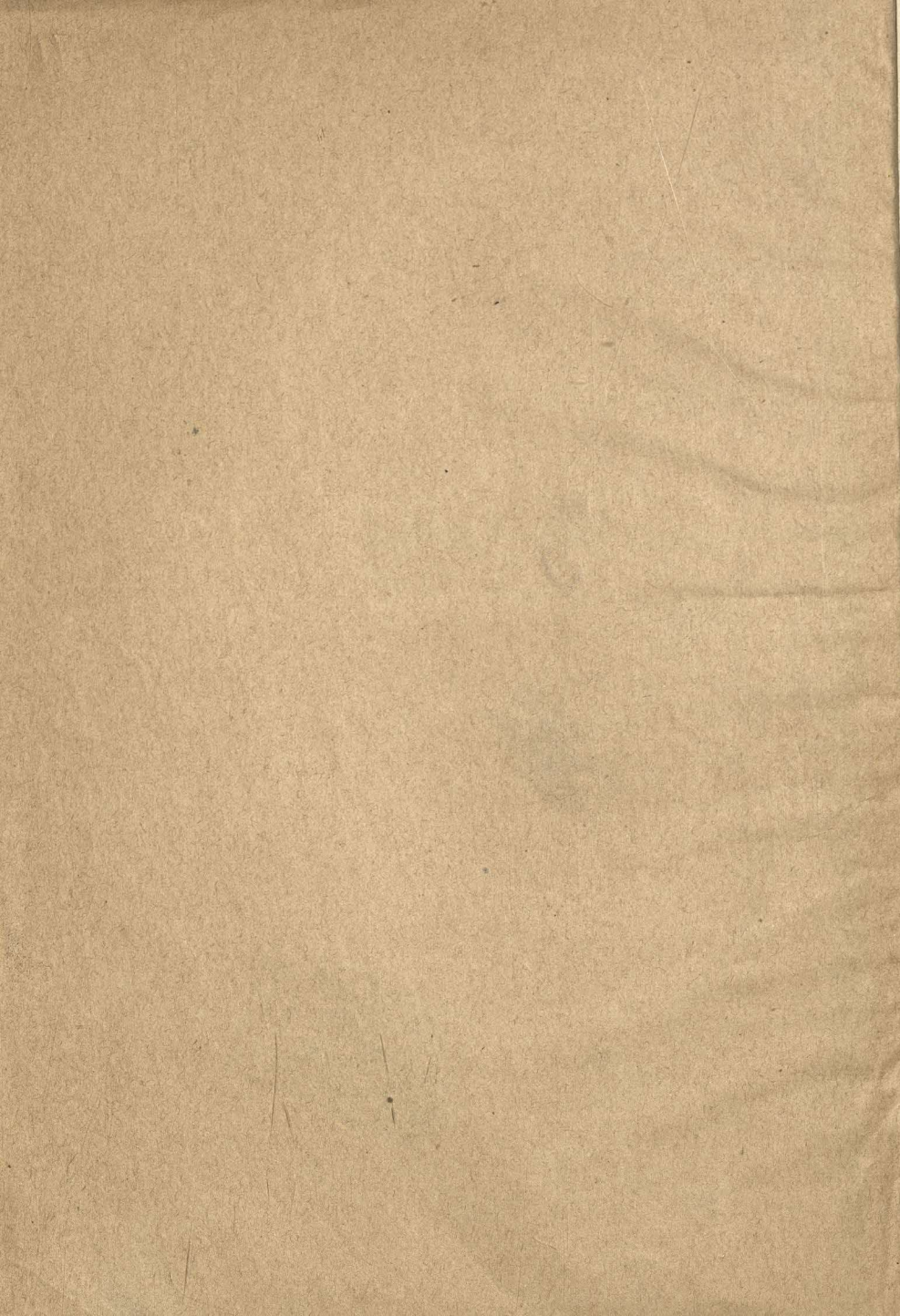
ОТДѢЛЕНІЕ тип. газ. „ВОЛГАРЬ“.

1912.

11

Університетський комплекс
Томська
Ім. В. І. Леніна

А. С. Пушкинъ (со старинной литографіи).

В. С. Пушкин (с. 100-101)

2. 12. 8.

О Болдинскомъ имѣніи А. С. ПУШКИНА въ Нижегородской губерніи и о пребываніи въ немъ поэта въ 1830-хъ годахъ.

1825/11

Въ обширныхъ біографическихъ матеріалахъ объ А. С. Пушкинѣ обстоятельства пребыванія его въ с. Болдинѣ, нижегородской губерніи, до сихъ поръ остаются мало выясненными; до сихъ поръ даже не собраны въ одно цѣлое тѣ немногія, отрывочныя свѣдѣнія, какія разбросаны въ различныхъ различныхъ изданіяхъ. Намъ, нижегородцамъ, ставятъ совершенно справедливый упрекъ въ томъ, что мы не позаботились во время, при жизни поэта или въ ближайшее къ нему время, собрать какіе-либо матеріалы—письменные и разспросные—о болдинскомъ періодѣ жизни А. С. Пушкина. За это дѣло взялись, да и то мимоходомъ, только въ концѣ 60-хъ годовъ, когда въ Болдинѣ не оставалось никакихъ наглядныхъ памятниковъ пребыванія здѣсь поэта; къ этому времени не было ни дома, въ которомъ онъ жилъ и работалъ, ни сосѣдней Кистеневской рощи—любимаго мѣста для его прогулокъ, гдѣ, быть можетъ, создалось его классическое стихотвореніе „Осень“ („Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роца отряхаеъ послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей“). Никто не догадался оставить на память хотя бы бѣглыя контуры памятныхъ болдинскихъ мѣстъ или краткое ихъ описаніе. Въ настоящее время—въ Болдинѣ ничто не напоминаетъ о пребываніи здѣсь поэта: не только „барская“ усадьба, но и самое село совершенно измѣнило свой внѣшній видъ; разспросныя записи не приводятъ, обыкновенно, ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ по простому вычисленію онѣ могутъ опираться на показаніяхъ дряхлыхъ 100-лѣтнихъ старцевъ.

Намѣреваясь въ настоящемъ очеркѣ коснуться вопроса объ имѣніи А. С. Пушкина въ нижегородской губерніи и о пребываніи его здѣсь въ 1830-хъ годахъ, мы позволимъ себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ о нынѣшнемъ Болдинѣ и переложить рассказы старожиловъ объ А. С. Пушкинѣ. Село Большое

или Базарное Болдино, при рѣчкѣ Азанѣ или Сазанкѣ, находится въ сѣверной полосѣ лукояновскаго уѣзда, въ юго-восточномъ углу нижегородской губернии. Оно расположено на пригоркѣ, съ пологимъ скатомъ по направленію къ сосѣдному селу Ларионову. Избы, какъ и въ большинствѣ селеній этой полосы, крыты соломою, и самое село, благодаря этому, имѣетъ видъ, бѣдной глухой деревушки. На горѣ, среди села, широкая площадь, на которой живописно выдѣляется усадьба Л. А. Пушкина, вся въ зелени, обнесенная красивой оградой; рядомъ съ усадьбой высится церковь, близъ нея стоитъ чистенькое, новенькое зданіе начальной школы. Противъ усадьбы—волостное правленіе, а за нимъ, замыкая площадь, тянутся крестьянскія избы. Верхнюю часть села можно считать центральнымъ жилищнымъ пунктомъ Болдина вмѣстѣ съ примыкающими къ ней по склону базарною площадью и улицей. Вокругъ Болдина мѣстность степная, безлѣсная, встрѣчаются лишь небольшія рощицы изъ дубняка и осинника.

Въ прежнее время, по словамъ старожиловъ, на мѣстѣ нынѣшней усадебной ограды близъ церкви лѣпились крестьянскія избышки, снесенныя уже въ концѣ тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ управляющимъ Пеньковскимъ.

Старый барскій домъ, въ которомъ жилъ А. С. Пушкинъ, по показанію старожиловъ, находился на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ господская усадьба, но о немъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Во всемъ Болдинѣ въ настоящее время можно найти только два—три лица изъ крестьянъ, которыхъ помнятъ А. С. Пушкина. Это—столѣтній старикъ Михай Ивановъ Сивохинъ и двѣ немощныя и дряхлыя старушки—Смолина и Зимина. Изъ разспросовъ объ А. С. Пушкинѣ я могъ узнать немногое. Это и понятно: бывшіе крѣпостные крестьяне стояли далеко отъ своихъ господъ и если видѣли ихъ, то развѣ изъ оконъ своихъ темныхъ хатъ или по какой-нибудь случайности. Передаю коротенькую свою бесѣду съ Сивохинымъ.

— Помнишь-ли ты, дѣдушка, барина Александра Сергѣевича Пушкина?

— Какъ не помнить, родимый, помню! Курчавый, невысокаго роста... Веселый баринъ, ласковый...

— Гдѣ тебѣ случилось его видѣть?

— Гдѣ? И на улицѣ, и на барскомъ дворѣ... А случилось мнѣ ему одинъ разъ и лошадь сѣдлатъ. На караулѣ я былъ, да и зашелъ на барскій дворъ: приказчика повидать нужно было. Слышу, кто-то зоветъ... Я думалъ, что конторщикъ, анъ это самъ баринъ изъ дому вышелъ.

— Эй, человекъ, поди ко мнѣ.

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Пойдемъ со мной въ конюшню, пособи лошадь осѣдлатъ.

Вывелъ я ему лошадь, онъ сѣлъ и говорить: отвори, говоришь, мнѣ ворота, проводи со двора.

Проводилъ я его,—онъ и поскакалъ трусцой въ Казаринскіе кусты... Все туда ѣздилъ верхомъ; почестъ каждый вечеръ, и все одинъ. Вотъ разъ только и привелъ меня Господь съ нимъ разговаривать... Вишь вотъ онъ какой человекъ—атъ былъ: объ емъ все „допросъ идетъ“. На дальнѣйшіе разпросы о домашней жизни А. С. Пушкина, о его привычкахъ и прочее, дѣдушка не могъ сообщить ничего, кромѣ мелкихъ внѣшнихъ фактовъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже.

Нѣкоторые изъ болдинскихъ старожиловъ, за давностью времени, путаютъ А. С. Пушкина съ его братомъ Л. С. Пушкинымъ; увѣряютъ, что А. С. Пушкинъ приѣзжалъ въ Болдино весной и ходилъ въ рощу слушать, „о чемъ птицы поютъ“. Вообще, при подобныхъ разспросахъ надо быть чрезвычайно осторожнымъ. Въ этомъ отношеніи можно придавать большее значеніе показаніямъ старожиловъ о топографіи Болдина во время проживанія здѣсь А. С. Пушкина.

При совершенномъ отсутствіи какихъ-либо записокъ и воспоминаній современниковъ, важнѣйшимъ матеріаломъ для знакомства съ болдинскимъ періодомъ жизни Пушкина остаются сочиненія поэта, въ особенности его *болдинскія письма* къ разнымъ лицамъ, дополненныя весьма немногими архивными матеріалами и разсказами болдинскихъ старожиловъ. На основаніи этихъ источниковъ мы позволимъ себѣ вкратцѣ коснуться 3-хъ вопросовъ: о времени пожалованія роду Пушкиныхъ нижегородскихъ вотчинъ, о состояніи этихъ вотчинъ ко времени приѣзда сюда поэта и, наконецъ, о самомъ пребываніи его здѣсь.

Родъ Пушкиныхъ, по Гербовнику, внесенъ въ VI ч. родосл. кн. костромской, московской и новгородской губ.; но для насъ весьма важно, что Пушкины числились въ составѣ *нижегородскаго* дворянства по десятиямъ уже въ XVII ст.; такъ, въ десятиѣ 114 году (т. е. 1606 г.) указано денежное жалованье въ этомъ году давать *нижегородцамъ* дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, боярину и воеводѣ князю А. В. Голицину, да князю А. В. Хилкову *вмѣстѣ съ Гр. Гр. Пушкинымъ головою* (сотеннымъ) 1).

Затѣмъ, въ спискѣ намѣстниковъ и воеводъ нижегородскихъ, составленномъ В. Д. Корсаковою и напечатанномъ въ „Дѣйстви-яхъ“ арх. комиссіи 2), упоминается *Григорій Гавриловичъ Пушкинъ*, который былъ намѣстникомъ нижегородскимъ между 1645—1650 г.г.

1) См. составъ нижегор. дворянства по десятиямъ XVII ст. В. Н. Сторожева въ „Дѣйстви-яхъ“ ниж. уч. арх. ком., т. I, стр. 399.

2) „Дѣствія“, т. I, стр. 527, прим. 2.

Болѣ раннихъ указаній о Пушкиныхъ—*нижегородцахъ* въ архивныхъ матеріалахъ не находимъ; попытаемся поэтому построить свои предположенія на этихъ двоихъ Пушкиныхъ, имѣвшихъ отношеніе къ нашему нижегородскому краю.

Первый изъ нихъ Григорій Григорьевичъ Пушкинъ упоминается не разъ въ исторіи Н. М. Карамзина, въ числѣ воеводъ, вѣрныхъ Вас. Ив. Шуйскому (1606—1608 г.г.). Вспыхнувшій при Вас. Ив. Шуйскомъ бунтъ Шаховскаго мало-по-малу принялъ широкіе размѣры и грозилъ серьезною опасностью государству, захватывая въ немъ все большее и большее число городовъ. „Худыя вѣсти, говоритъ Н. М. Карамзинъ, одна за другою, встревожили Москву. Въ калужской и тульской области новыя шайки скопились и заняли Тулу. Бунтъ вспыхнулъ въ уѣздѣ арзамаскомъ и алатырскомъ. Мордва, холопы-крестьяне грабили, рѣзали царскихъ чиновниковъ и дворянъ, утопили воеводу Сабурова и осадили *Нижній-Новгородъ* именемъ „Димитрія“.

„А Нижній-Новгородъ, повѣствуетъ хронографъ, стоялъ за царя Василя, отъ воровъ отъ русскихъ людей былъ въ осадѣ, а стояли подъ Нижнимъ русскіе люди и боротники и мордва, а съ ними былъ за воеводы мѣсто Ив. Бор. сынъ Доможировъ“. Осаждавшіе, по словамъ Никон. лѣтописца, „стояху подъ Нижнимъ и многія пакости граду дѣлаху“.

Возстаніе охватило чуть не все Поволжье, вспыхнуло въ Астрахани и достигло до границъ Сибири.

Съ цѣлью предупредить соединеніе мятежниковъ Вас. Ив. Шуйскій отправилъ въ разныя мѣста воеводъ съ ратными людьми: въ ихъ числѣ повелѣно было идти *подъ Арзамасъ воеводамъ Григорію Григорьевичу Пушкину и Сергію Григорьевичу Пушкину*, да Сергію Григорьевичу Адаурову съ ратными людьми владимірскими, суздальскими и муромскими.

Посланные воеводы въ большинствѣ случаевъ успѣха не имѣли; исключеніе составляли воеводы Измайловъ и Пушкинъ (Гр. Гр.). По выраженію Карамзина, „они честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника князя Михаила Долгорукова, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ; второй (*Пушкинъ*) спасъ Нижній-Новгородъ, усмиривъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы идти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ, гдѣ они истребили скопища злодѣевъ“.

Если прибавить къ этому свидѣтельство А. С. Пушкина, въ его замѣткѣ о родословной, что четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою объ избраніи Романовыхъ на царство, то для насъ

будетъ ясно, что нижегородскіе вотчины были пожалованы роду Пушкиныхъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича за заслуги ихъ московскому государству въ смутное время.

По недавнимъ справкамъ у позднѣйшаго владѣльца Болдина А. Л. Пушкина, дер. Кистенево по документамъ дѣйствительно была пожалована Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Косвенное показаніе по этому вопросу даетъ и поэтъ А. С. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Моя родословная“.

Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ;
Смиривъ крамолы и коварства
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ—
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ.

Второй изъ упомянутыхъ нами Пушкиныхъ—бояринъ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ—въ царствованіе Алексѣя Михайловича служилъ посломъ въ Польшѣ съ титуломъ нижегородскаго намѣстника. По словамъ В. П. Анненкова, нашъ знаменитый поэтъ А. С. Пушкинъ, сильно интересовавшійся своей родословной, особенно уважалъ изъ всѣхъ своихъ предковъ именно боярина Григорія Гавриловича Пушкина († 1656 г.). Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о немъ мы не нашли.

Жалованныя вотчины Пушкиныхъ, разбросанныя въ нѣсколькихъ губерніяхъ, представляли когда-то огромное состояніе. Въ нижегородской губерніи еще въ прошломъ столѣтіи, въ лукояновскомъ и сергачскомъ округахъ, было нѣсколько поселковъ, принадлежавшихъ Пушкинымъ, но затѣмъ, путемъ залога и продажи, большинство ихъ перешло въ чужія руки; къ 30-мъ гг. настоящаго столѣтія здѣсь оставался уже одинъ только „Болдинскій приходъ“, въ юговосточномъ углу нижегородской губерніи, состоявшій изъ нѣсколькихъ поселковъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно извѣстно, что, кромѣ собственно Болдина, во владѣніи Серг. Льв. Пушкина (къ 30-мъ г.г.) находилось сельцо Кистенево (нынѣ с. апраксинской вол.) на югѣ сергачскаго уѣзда, въ 10 верстахъ отъ Болдина.

Въ письмѣ къ своей женѣ отъ 21 октября 1830 года А. С. Пушкинъ называетъ „кистеневскихъ мужиковъ уже *своими*“³⁾, а

³⁾ „...Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С.... Ты красавица, бой-баба, а она—шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно, кабы графъ Шереметевъ сталъ оттягивать у меня *кистеневскихъ* моихъ мужиковъ“. (См. письма А. С. Пушкина).

въ спискѣ населенныхъ мѣстъ 1853 г. Кистенево показано „имѣніемъ наслѣдниковъ камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина“. Можно думать, что Кистенево еще въ 30-мъ году, передъ женитьбой А. С. Пушкина, было отдано ему во владѣніе его отцомъ, какъ часть болдинскаго имѣнія. Въ обширныхъ биографическихъ матеріалахъ объ А. С. Пушкинѣ Кистенево нигдѣ, кажется, не упоминается, а оно имѣетъ на это такое-же право, какъ и Болдино—уже потому только, что здѣсь была вотчинная контора и небольшой господскій домъ, въ которомъ „живаль Алекс. Серг. Пушкинъ, когда прїѣзжалъ сюда на охоту изъ Болдина въ 1830 году“⁴). Въ 1860-хъ и 70-хъ гг. свидѣтелемъ пребыванія Пушкина въ Болдинѣ оставалась „кистневская роща“, въ 3-хъ верстахъ отъ Болдина, по которой А. С. Пушкинъ часто гулялъ.⁵).

Для знакомства съ этими родовыми помѣстьями А. С. Пушкина даемъ здѣсь описание ихъ по свѣдѣніямъ „Статистическаго списка населенныхъ мѣстностей, составленнаго статистической экспедиціей въ 1853 г.“;—за 15-лѣтній промежутокъ, со времени послѣдняго посѣщенія Пушкинымъ Болдина, не могло произойти рѣзкой переменъ въ положеніи его крѣпостныхъ сель, ни со стороны наружнаго ихъ вида, ни со стороны внутренней жизни и быта населенія.

„С. Большое Болдино (обыкновенно называется Базарное Болдино), при р. Азанѣ или Сазанкѣ, на границѣ сергачскаго уѣзда. Расположено на горѣ, въ двѣ длинныхъ улицы и нѣсколько отдѣльныхъ порядковъ. Избы на половину бѣлыя и на половину крыты тесомъ, остальные соломою.

Въ „Спискѣ населен. мѣстъ 1853 г.“ Болдино показано уже во владѣніи двохъ помѣщиковъ: „малолѣтнихъ гг. Пушкиныхъ дѣтей чиновника V кл. Сергѣя Львовича Пушкина“ и полковника—Серг. Вас. Зыбина.

Во владѣніи Пушкиныхъ въ 1853 г. состояло 105 дворовъ: *жителей* по 8-й ревизіи (1833 г.)—550 м. и 543 ж., по 9-й—416 м. и 403 жен.; сверхъ того, дворовыхъ—14 м. и 9 ж. (по 8-й ревизіи) и 11 м. и 8 ж. (по 9-й).

У Зыбина—59 дворовъ и жителей по 8-й ревизіи—554 м. и 540 жен., по 9-й—295 м. и 267 ж.; дворовыхъ—17 м. и 11 ж. (по 8-й ревизіи), 17 м. и 10 ж. (по 9-й рев.). Кромѣ того, въ „спискѣ“ показано 10 домовъ „духовныхъ“, а въ нихъ 24 м. 27 ж. и 1 купеческій дворъ, въ коемъ проживали 1 м. и 4 жен., и 10 дворовъ кантонистовъ съ населеніемъ въ 23 м. и 50 жен. Всѣ дворовые люди Пушкиныхъ показаны „въ постоянной отлучкѣ въ С.-Петербургѣ при господинѣ“.

Все населеніе села Болдина—русское, православнаго исповѣданія; занимались, какъ и теперь, хлѣбопашествомъ; въ ту пору (въ началѣ 50-хъ гг. и ранѣе) они были на запашкѣ. Почва здѣсь черноземная и отчасти суглинокъ.

Въ имѣніи Пушкиныхъ въ 1853 г. состояло по селу Болдину господской земли въ 3-хъ поляхъ, на 170 тяголъ—680 дес., удобной крестьянской—1020 дес. (по 6 дес. на тягло); у Зыбина показано въ 3-хъ поляхъ на 11 тяголъ 448 дес. господской, 10 дес. общественной (для магазиновъ) и крестьянской 772 д. удобной и 75 неудобной, а всего въ Болдинѣ—1320 д. удобной и 75 неудобной.

⁴) Списки населенныхъ мѣстъ (рукописные).

⁵) А. С. Гацискій, „Нижегор. сборникъ“ т. IV.

Кромѣ хлѣбопашества жители с. Болдина занимались приготовленіемъ чернаго поташа изъ золы сорныхъ травъ и соломы (до 20 домовъ, изъ нихъ 2 дома бѣлили поташъ).

Промышленность эта, прежде довольно прибыльная, къ 50-мъ годамъ значительно уяала, по причинѣ дешевизны поташа, и сейчасъ ведется въ небольшихъ размѣрахъ. Золу крестьяне большею частью погупали на своихъ базарахъ (базаръ былъ по воскресеньямъ), куда его привозили окрестные жители. Въ теченіе года въ Болдинѣ приготовлялось поташу до 600 пуд. на 600 р. сер.

Нѣкоторые крестьяне плотничали по окрестности, до 10 чел. занимались еще постройкой мельницъ. По главный промыселъ болдинскихъ крестьянъ, какъ и въ настоящее время, былъ санный. Зимой почти все село работало крестьянскія сани на крестьянъ села Силина—изъ ихъ матеріала, получая деньги за работу впередъ; наконецъ, 3 дома занимались торговлей на базарахъ, а нѣкоторые пчеловодствомъ въ очень, впрочемъ, скудныхъ размѣрахъ. Въ „Спискѣ“ показанъ между прочимъ 1 господскій (но неизвѣстно чей) пчельникъ въ 150 пней.

Въ 1853 году въ Болдинѣ находилось два господскихъ деревянныхъ дома со службами и проч. строеніемъ—г. Зыбина и наследниковъ Пушкина. Это былъ тотъ самый Пушкинскій домъ, въ которомъ, по замѣчанію составителя „Списка населенныхъ мѣстъ“,—„жилъ А. С. Пушкинъ нѣсколько времени и обработывалъ исторію Пугачевского бунта“. У кажлаго владѣльца было по скотному двору и по гумну, а у Зыбина, кромѣ того, кирпичный заводъ и 2 запасныхъ магазина.

Изъ мелкихъ промышленныхъ заведеній въ Болдинѣ показаны 3 постоялыхъ двора, 13 вѣтряныхъ мельницъ крестьянскихъ, 20 поташныхъ заводовъ и 2 бѣлильныя печи.

Сельцо Кистенево (Темашево⁶) тожъ, сосѣднее съ Болдинымъ, въ пограничномъ сергачскомъ уѣздѣ, при р. Чекѣ, впадающей въ Пьяну, расположено улицами, которыя носили особыя названія: Самодуровка, Кривулица, Стрѣлецкая и Бунтовка.

Уже наружный видъ жилищъ построекъ ясно говорилъ постороннему взору, что кистеневскіе крестьяне, какъ и большинство помѣщичьихъ крестьянъ, жили въ большой нуждѣ, черно и грязно, только $\frac{1}{4}$ крестьянскихъ домовъ были покрыты тесомъ на два ската и топились „по бѣлому“, а остальные $\frac{3}{4}$ представляли изъ себя подслѣповатыя курныя избенки, крытыя соломой.

Въ 1850-хъ гг. въ Кистеневѣ числился 161 дворъ; въ 30-хъ годахъ 7), т. е. въ ту пору, когда здѣсь бывалъ А. С. Пушкинъ, здѣсь жило 523 мужч. и 538 женск. пола крестьянъ; число это почти не измѣнилось къ 50-мъ годамъ, ко времени 9 ревизіи; по этой послѣдней въ Кистеневѣ—559 мужч. и 539 женщ.

Въ „спискѣ населенныхъ мѣстъ“ Кистенево показано, какъ часть прихода с. Болдина. Вѣроятно, оно было выселено сюда „по господскому велѣнію“ за самодурство и бунты; не даромъ улицы Кистенева получили столь характерныя наименованія, какъ „Самодуровка“ и „Бунтовка“. Намъ думается при этомъ, что этотъ опальный поселокъ былъ образованъ дѣдомъ поэта—Л. А. Пушкинымъ. Въ Болдинѣ онъ самъ жывалъ и, какъ человѣкъ, отличался, по свидѣтельству А. С. Пушкина, крутымъ и вспыльчивымъ характеромъ.

Все население Кистенева, какъ и въ Болдинѣ, было русское, православное; при Кистеневѣ было 1454 дес. удобной земли; крестьяне состояли „на оброкѣ“ (въ началѣ 50-хъ гг.); кромѣ хлѣбопашества они были заняты выдѣлкою рогожъ. Мочало получали изъ симбирской губерніи, изъ-за Суры. Каждый домъ выдѣлывалъ въ годъ до 500 паръ рогожъ, слѣдовательно—вся деревня

⁶) Въ дѣлѣ объ описи Кистенева (см. ниже)—Тимошего.

⁷) По 8-й ревизіи.

вырабатывала въ годъ до 80000 паръ или 160000 шт. роговъ; послѣднія сбывались въ Арамастѣ и въ Саратовѣ, въ первомъ по 12, а во второмъ—по 15 р. серебромъ за сотню. Такимъ образомъ, если положить среднюю продажную цѣну въ 13 р.—общая сумма производительности кистеневскихъ рогожниковъ простиралась до 10400 р. въ годъ; нѣкоторые изъ крестьянъ по зимамъ работали и парные кули для Лыскова. Весною значительная часть крестьянъ уходила на Волгу въ бурлаки, въ оренбургскія степи гуртовщиками и въ самарскую—жать пшеницу.

Въ Кистеневѣ, какъ мы уже замѣтили, находилась вотчинная контора и небольшой деревянный господскій домъ. „Въ немъ жилъ А. С. Пушкинъ, когда прѣзжалъ сюда на охоту изъ Болдина“, гдѣ жилъ въ 1830 году⁸⁾. Въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“, которымъ мы пользуемся, Кистенево показано имѣніемъ „наслѣдниковъ камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина“.

Намъ извѣстна еще одна деревня Пушкиныхъ въ приходѣ с. Болдина, въ лукояновскомъ уѣздѣ—Львово (или Львовка); деревня эта уже болѣе поздняя происхожденія, чѣмъ Кистенево; по „Списку населенныхъ мѣстъ“ она показана „выселенною изъ с. Болдина въ 1837 г.“, вѣроятно она выдѣлена была уже послѣ смерти поэта, какъ часть владѣнія, брату его Льву Сергѣевичу Пушкину, можетъ быть самимъ Львомъ Сергѣевичемъ, который наименовалъ ее Львовкой; въ ней всего было (въ 53-мъ году) два порядка и 58 дворовъ съ населеніемъ по 8 ревизи—140 мужч. и 147 женщ.; избы всѣ черныя, крыты соломою; крестьяне были на запашкѣ: господской запашки въ 3-хъ поляхъ на 70 тяголь было 280 дес.; общественной (подъ магазинъ) 15 дес. и крестьянской 350 дес. удобной и 5 дес. неудобной, а всего 650 дес.; здѣсь былъ „скотный дворъ“, гдѣ находилось до 100 головъ скота, господское гумно съ ригами, но никакихъ барскихъ построекъ не было. Жители—коренные земледѣльцы и лишь немногіе перенесли сюда болдинское ремесло, но за неимѣніемъ своего лѣса уходила работать сани въ ардатовскій уѣздъ, симбирской губерніи.

Мѣстность, какъ мы уже замѣтили, глухая, степная, безлѣсная; широкія поля лишь кое-гдѣ пересѣкаются небольшими порослями и рощами изъ дубняка и осинника.

Въ нижегородскихъ вотчинахъ никто изъ предковъ А. С. Пушкина, за исключеніемъ его дѣда Льва Александровича Пушкина, не живалъ. Родной дѣдъ поэта, Левъ Александровичъ, несомнѣнно, жилъ здѣсь, въ Болдинѣ; на это есть прямое указаніе въ письмахъ самого А. С. Пушкина. Въ „родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ“ А. С. Пушкинъ изображаетъ своего дѣда человѣкомъ съ пылкимъ и жестокимъ характеромъ, приводитъ даже примѣры его жестокости; его первая жена „умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодално повѣсилъ на черномъ дворѣ“. Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ Болдинѣ, по крайней мѣрѣ самъ А. С. Пушкинъ относитъ расправу съ учителемъ къ болдинскому дому. Живя въ Болдинѣ въ 1830 году и томимый невольной (благодаря холерѣ) разлукой съ своей невѣстой Н. Н. Гончаровой,—А. С. Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ ней (въ сентябрѣ 1830 г.), между прочимъ, пишетъ: „только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься

⁸⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ, сост. статистич. экспед. (рукописный).

на воротах моего печального замка (на этих воротах, скажу въ скобках, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ⁹⁾ 9)

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, жилъ безвыѣздно въ Москвѣ, жилъ широко и открыто, вращаясь въ избранномъ свѣтскомъ столичномъ обществѣ.

Онъ терпѣть не могъ деревни и въ такія дальнія вотчины, какъ Болдино, никогда не заглядывалъ, предоставляя хозяйничать тамъ управляющимъ и бурмистрамъ. Это обстоятельство и вело, главнымъ образомъ, имѣнія къ раззоренію.

Во владѣніи С. Л. Пушкина въ нижегородской губерніи къ 1830 году состояло: село Кистенево, гдѣ было 476 душъ, и половина с. Болдина въ 564 душъ; другая половина Болдина находилась во владѣніи брата его Василя Львовича.

Часть Василя Львовича Пушкина была давно заложена въ опекуномъ совѣтѣ и залупана въ такихъ крупныхъ долгахъ, что по смерти его (въ августѣ 1830 г.) никто изъ наслѣдниковъ, даже А. С. Пушкинъ, сильно дорожившій родовыми помѣстьями, не рѣшился взять на себя это имѣніе; въ 1835 г. оно было продано съ торговъ и отошло къ Зыбинымъ.

Имѣніе С. Л. Пушкина также знакомо было съ опекой; часть Кистенева еще въ 20-хъ годахъ была заложена по займамъ въ довольно крупной суммѣ и въ нашихъ архивахъ сохранилось нѣсколько дѣлъ о взысканіи съ С. Л.-ча долговъ и процентовъ за нижегородскія деревни¹⁰⁾.

Болдинскимъ имѣніемъ, ко времени пріѣзда сюда А. С. Пушкина (въ 1830 г.), заправлялъ крѣпостной челоуѣкъ Пушкиныхъ

⁹⁾ См. соч. А. С. Пушкина, изд. Лит. фонда, т. VII.

¹⁰⁾ Изъ архивнаго „дѣла объ описи имѣнія г. Пушкина 1837 г.“ (№ 359) видно, что Кистенево (часть въ 100 душъ) было заложено Сергѣемъ Львовичемъ Пушкинымъ по займамъ изъ сохранный кассы отъ 10 іюля 1828 г.—20000 р. и отъ 10 ноября 1831 г.—5000 р. Въ октябрѣ 1837 г. опекунскій совѣтъ потребовалъ съ заемщика или, въ случаѣ его отсутствія, съ заложившаго имѣнія, уплаты капитальнаго долга и процентовъ—2420 рублей, предписавъ губернскому правленію, въ случаѣ неплатежа денегъ, произвести опись „заложившаго имѣнія 100 душъ мужскаго пола и женскаго, съ женами и дѣтьми ихъ, со внучатами обоаго пола, съ наличными и бѣглыми и со всѣми къ нимъ принадлежностями, со всѣми ихъ и господскимъ строеніемъ съ пожитками и со скотомъ, съ пашенною и непашенною землею, съ лѣсами, сѣнными покосами и всякими угодіями... не изземля ничего, но все безъ остатка“. Требованіе опеки захватило контору въ располухъ; господскихъ суммъ налицо не оказалось; пришлось спѣшно добывать; какъ и гдѣ добыли деньги—неизвѣстно, но требуемая сумма земскимъ Ватраковымъ была въ январѣ 1838 г. вручена непремѣнному дворянину застѣдателю Злецову, который и отослалъ ее въ губернское правленіе.

Послѣ взноса денегъ имѣніе было исключено изъ описи и опекунскаго управления и отдано „въ первобытное распоряженіе“ владѣльца, но числилось, однако, „въ залогъ и подъ запрещеніемъ“ до полной уплаты долга.

М. К—въ; при постоянномъ отсутствіи владѣльца отсутствовалъ, конечно, и контроль надъ хозяйствомъ, и М. К—въ, по словамъ Л. Павлицева, кончилъ тѣмъ, что самъ разбогатѣлъ¹¹⁾.

Хозяйство, при заочномъ управленіи, было запущено и запутано до такой степени, что въ немъ трудно было и разобраться. Достаточно сказать, что отправившійся сюда въ 30-хъ г.г., по просьбѣ А. С. Пушкина, нѣкто Р., честный нѣмецъ,—едва познакомился съ состояніемъ хозяйства болдинскаго, пришелъ въ ужасъ и бѣжалъ оттуда.

Смѣна бурмистровъ не вела ни къ чему: одинъ стоилъ другого, и каждый умѣлъ пользоваться отсутствіемъ контроля и полнымъ произволомъ надъ безотвѣтнымъ крѣпостнымъ крестьянствомъ.

Сюда то, въ нижегородскія палестины, судьба и закинула нашего поэта.

Получивъ въ 1830 г., послѣ помолвки съ Н. Н. Гончаровой, часть болдинскаго имѣнія въ свое владѣніе, А. С. Пушкинъ счелъ за лучшее, въ виду запущенности имѣнія и хозяйства, побывать здѣсь лично, чтобы принять и оцѣнить выдѣленную ему часть. Онъ собрался въ дорогу въ самомъ концѣ августа 1830 года и поѣхалъ черезъ Москву и Нижній на перекладныхъ, по безобразнѣйшей дорогѣ. „Представьте себѣ,—писалъ онъ по пріѣздѣ въ Болдино Н. Н. Гончаровой,—представьте себѣ окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ—дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; зато пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами“.

А. С. Пушкинъ прибылъ въ Болдино въ первыхъ числахъ сентября. Послѣ столичной сутолоки, послѣ передрагъ и непріятностей, пережитыхъ имъ передъ отъѣздомъ, при прощаніи съ Гончаровыми, „болдинская глушь“ показалась ему чуть не раемъ. „Что за прелесть здѣшняя деревня, писалъ онъ П. А. Плетневу отъ 9 сентября. Вообрази, степь, да степь, сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома, сколько вздумается: никто не помѣшаетъ. Ужь я тебѣ наготовлю всячины—и прозы и стиховъ“. И Пушкинъ, какъ мы увидимъ, сдержалъ свое обѣщаніе. Правда, онъ ѣхалъ сюда ради устройства хозяйственныхъ дѣлъ, но его-ли артистической натурѣ было отдаваться сухимъ практическимъ выкладкамъ и соображеніямъ? На дворѣ стояла любимая имъ пора—„очаровательная“ осень съ своею „чудною прощальною красой“, онъ чувствовалъ въ себѣ особый, ему только свойственный осенній подъемъ духа и еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы писалъ Плетневу: „Сейчасъ ѣду въ Нижній, въ

¹¹⁾ Л. Павлицевъ. Изъ семейной хроники—справ.

Лукояновъ, въ с. Болдино. Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ*. Онъ откровенно признавался при этомъ, что предстоявшія хлопоты по имѣнію и приданому ему не очень пріятны, и опасался, что онѣ отнимутъ у него свободное время и душевное спокойствіе, безъ которыхъ ничего нельзя произвести.

Но, при первомъ же знакомствѣ съ болдинскимъ имѣніемъ, выяснилось, что выдѣленная ему земля не составляетъ особаго имѣнія, какъ онъ предполагалъ, а лишь часть деревни изъ 500 душъ, и нужно было приступить къ раздѣлу. Это непредвидѣнное обстоятельство значительно осложняло дѣло и требовало слишкомъ продолжительнаго времени. А. С. Пушкинъ счелъ за лучшее не вдаваться пока въ подробные хозяйственные расчеты, а самъ, „стѣсняемый лирическимъ волненіемъ“, среди сельской тишины и полного уединенія, съ жаромъ отдавался литературному творчеству.

Онъ поселился въ Болдинѣ, въ дѣдовскомъ домѣ. Это былъ, по словамъ сторожиловъ, небольшой одноэтажный домъ, съ деревянной крышей, съ чернымъ дворомъ и службами, обнесенный мелкимъ дубовымъ частоколомъ. Кругомъ дома былъ пустырь: ни цвѣтниковъ, ни сада; невдалекѣ отъ дома находился только небольшая прудъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ „Пильники“, да виднѣлись два-три дерева, изъ которыхъ теперь сохранилось развѣ одно—огромный, могучій, многолѣтній вязъ. За оградой усадьбы, невдалекѣ (на мѣстѣ нынѣшнихъ пожарныхъ сараевъ) стояла вотчинная контора; противъ нея, на площади высилась церковь... Изъ оконъ дома открывался унылый видъ на крестьянскія соломенные избы. Для полноты описанія мы позволимъ себѣ привести выдержки изъ болдинскаго стихотворенія А. С. Пушкина „Шалость“. Кстати сказать,—это одно изъ немногихъ стихотвореній А. С. Пушкина, предварившихъ некрасовскую музу:

...Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,

За ними черноземъ; равнины скать отлогій,

Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.

Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?

Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,

Два бѣдныхъ деревца сидятъ въ отраду взора,

Два только деревца, и то изъ нихъ одно

Дождливой осенью совѣмъ обнажено,

А листья на другомъ размокли и, желтѣя,

Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борея...

И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.

Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;

Безъ шапки онъ; несетъ подмышкой гробъ ребенка,

И кличетъ издали лѣниваго попенка,

Чтобъ тотъ отца позовалъ, и церковь отворилъ:

Скорѣй, ждать некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ.

Съренкій пейзажъ, тусклая деревенская жизнь, съ ея безысходной нуждой и горемъ—вотъ, что ежедневно видѣлъ поэтъ предъ своими глазами и наблюдалъ изъ оконъ дѣдовскаго дома.

Изъ разспросовъ болдинскихъ старожиловъ объ образѣ жизни А. С. Пушкина въ Болдинѣ мы узнали немногое.

Одинъ изъ нихъ, 100-лѣтній старикъ, Михай Ивановъ Сивохинъ, хорошо помнитъ, что курчавый баринъ, Александръ Сергѣевичъ, каждый день ѣздилъ верхомъ въ сосѣдніе Казаринскіе кусты и кистеневскую рощу и записывалъ, „какія мѣстамъ званья, какіе лѣса, какія травы растутъ“; каждый день, по словамъ Сивохина, барину готовили кадушку теплой воды; это была импровизированная ванна.

Если предположить, что А. С. Пушкинъ въ 1830 г. проводилъ время въ Болдинѣ также, какъ и въ другіе его пріѣзды сюда, то мы имѣемъ цѣнное указаніе въ его письмахъ къ женѣ изъ Болдина въ 1833 г. „Ты спрашиваешь меня, какъ я живу и похорошѣлъ-ли? Во-первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; усъ да борода—молодцу похвала; выду на улицу—дядюшкой зовутъ; во 2) просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей и лежу до 3-хъ часовъ¹²⁾. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5—въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да гречневой кашей. До 9 часовъ читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо“.

А. С. Пушкинъ велъ въ Болдинѣ замкнутую жизнь и почти никуда, кромѣ прогулокъ верхомъ, не ѣздилъ. Какъ барину-помѣщику, ему приходилось иногда принимать челобитныя отъ крестьянъ и выслушивать ихъ просьбы и жалобы; крестьяне величали его при этомъ титуломъ: „ваше здоровье“, и Пушкинъ находилъ, что это „титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значать“. О его писательствѣ доходила молва и въ провинціальную глушь, но слава писательская понималась здѣсь довольно своеобразно. „Знаешь-ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ“? писалъ А. С. Пушкинъ женѣ въ 1833 г. Вотъ какъ описываютъ мой занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ, передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и ужъ начинаетъ писать“!

Въ Болдинѣ А. С. Пушкинъ предполагалъ пробыть не долго, не болѣе мѣсяца, но особыя исключительныя обстоятельства задержали его здѣсь на всю осень до 5-го декабря. Въ этотъ годъ Россію посѣтила холера—гостья, въ ту пору почти незнакомая и потому особенно страшная; ее смѣшивали даже съ чумой... Еще ранѣе августа въ Москвѣ ходили о ней тревожныя слухи, но эпи-

¹²⁾ Надобно замѣтить, что утренніе часы, проведенные въ постели, были творческими часами Пушкина.

демя была далеко, въ самыхъ низовьяхъ Волги, и скорого появленія ея здѣсь не ждали. Однако, предъ отъѣздомъ въ Нижній изъ Москвы Пушкинъ уже получилъ извѣстіе, что холера перебралась въ саратовскую губернію, а отъѣхавъ двѣ станціи отъ Москвы узналъ, что холера въ Нижнемъ. „Я поѣхалъ, говоритъ Пушкинъ, съ равнодушіемъ, коимъ обязанъ пребыванію моему среди азіатцевъ. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и извѣстныя предосторожности“. 1-го сентября въ Нижнемъ былъ первый случай заболѣванія холерой на ярмаркѣ. А. С. Пушкинъ захватилъ ярмарку въ переполохъ. „Бѣдная ярмарка!“ замѣчаетъ онъ; „она бѣжала, разбросавъ вполонину свои товары, не успѣвъ сосчитать свои барыши“. Вернуться въ Москву показалось малодушіемъ, и Пушкинъ отправился далѣе, въ Болдино. Къ этому времени подоспѣло распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ графа Закревскаго объ оцѣпленіи губерніи 14-дневными порубежными карантинами и внутренними аванпостами или заставами, съ строжайшимъ предписаніемъ никого не впускать и не выпускать изъ оцѣпленныхъ мѣстъ безъ особаго разрѣшенія и обсерваціи. Тутъ и тамъ по нижегородской губерніи стали устанавливаться заставы и карантинныя, и Пушкинъ не успѣлъ оглядѣться, какъ очутился запертымъ въ Болдинѣ чуть не со всѣхъ сторонъ.

„Мы окружены карантинами, сообщаетъ онъ изъ Болдина Н. Н. Гончаровой, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь“. Лично Пушкинъ не страшился холеры и даже подшучивалъ надъ ней въ своихъ первыхъ письмахъ изъ Болдина.

„Около меня холера-морбуй, писалъ онъ Плетневу. Знаешь-ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаеть. Того и гляди, что къ дядѣ Василю отправлюсь, а ты и пиши мою біографію“.

Онъ предохранялъ себя отъ холеры единственно разумнымъ воздержаніемъ въ пищѣ; системѣ карантиннаго оцѣпленія онъ не придавалъ рѣшительно никакого значенія, видя въ ней одно стѣсненіе для народа. Неурядица повсюду была невообразимая, каждый шагъ обывателя былъ обставленъ „бумажными“ предписаніями. Карантиннымъ комиссарамъ было указано постоянно объѣзжать свои участки и наблюдать, чтобы нигдѣ не собирались жители толпами, не пьянствовали, не выходили на улицу босикомъ или въ однихъ рубашкахъ, чтобы съ 7 часовъ вечера никто, кромѣ сторожей, не ходилъ по улицамъ, этотъ часъ установлено было возвѣщать съ колоколенъ троекратнымъ протяжнымъ звономъ, если бы въ ночное время оказался въ домѣ заболѣвшій, хозяинъ

дома обязанъ былъ вывѣсить на улицѣ фонарь, а за неимѣніемъ его—открыть ставню и поставить на окно свѣчу; это былъ условный знакъ о новомъ случаѣ заболѣванія.

Черезъ холерные комитеты въ города и уѣзды были разосланы особыя „объявленія“, съ изложеніемъ подробнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ совѣтовъ объ охраненіи себя отъ холеры. Совѣты эти, за краткостью настоящей статьи, мы здѣсь не приводимъ; Пушкинъ довольно мѣтко свелъ ихъ къ тремъ главнымъ положеніямъ: „купаться въ хлоровой водѣ, пить мяту и, по приказанію графа Закревскаго, не предаваться унынію“. Эти-же дробныя профилактическіе совѣты дали Пушкину матеріалъ сочинить болдинскимъ мужикамъ проповѣдь о холерѣ, отъ которой, по его же отзыву—можно „умереть со смѣху“. Проповѣдь эта до насъ не дошла.

Намѣтивъ возвратиться въ Москву въ первыхъ числахъ октября, А. С. Пушкинъ, среди хлопотъ и занятій, въ первое время, кажется, не видѣлъ въ карантинахъ и заставахъ серьезныхъ для себя препятствій; но онъ почувствовалъ на себѣ всѣ эти карантинныя прелести, когда сдѣлалъ первую попытку выѣхать изъ Болдина въ началѣ октября. Оказалось, что до Москвы учреждено 3 карантина и 14 заставъ. „Богъ вѣсть, писалъ онъ П. А. Осиповой,—сколько мѣсяцевъ я долженъ употребить на проѣздъ 500 верстъ, которыя въ обыкновенное время проѣзжалъ въ 48 часовъ“. Узнавъ, что по ходатайству выдаютъ свидѣтельства на свободный проѣздъ или на сокращенный срокъ карантина, онъ написалъ о томъ въ Нижній; такъ какъ Болдино не было заражено, то ему отвѣтили, что свидѣтельство будетъ выдано ему въ Лукояновѣ.

Но къ этому времени подоспѣло новое распоряженіе графа Закревскаго, коимъ объявлялось, что всѣ проживающіе въ губерніи дворяне, на время существованія эпидеміи, состоятъ на службѣ по принятію мѣръ къ пресѣченію холеры и каждый изъ нихъ обязанъ занять то мѣсто, какое ему назначится отъ холернаго комитета или представителя дворянства. Въ списокъ дворянъ лукояновскаго уѣзда угодилъ и А. С. Пушкинъ; онъ и не думалъ, что его ждетъ новый сюрпризъ. Онъ прибылъ въ Лукояновъ за свидѣтельствомъ на проѣздъ, но вмѣсто этого получилъ назначеніе—окружнымъ инспекторомъ надъ карантинами.

Онъ бы охотно готовъ былъ принять эту должность, если-бы не узналъ, что холера въ Москвѣ, гдѣ жили Гончаровы. Онъ подаетъ жалобу губернатору, а самъ скачетъ на почтовыхъ до перваго карантина, во владимірской губерніи. Инспекторъ карантина,

узнавъ, что онъ ѣдетъ не по казенной, а по своей, хотя и „самонужнѣйшей“ надобности, поворотилъ его назадъ въ Лукояновъ, сообщивъ, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ уже около 3-хъ недѣль. „Нечего дѣлать,—пишетъ Пушкинъ, ѣду назадъ въ Лукояновъ, требую свидѣтельства, что ѣду не изъ-зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ-ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной—сѣжу въ Болдинѣ, да кисну“. Со времени этихъ мытарствъ, и самая прелесть—деревня Болдино, становится для поэта „несноснымъ островкомъ“, который онъ въ шутку именовалъ „Патмосомъ“, и нижегородская глушь превратилась „въ страну грязи, чумы и пожаровъ“. Его недовольство холерой, разстроившей планъ скорого свиданія съ невѣстой, рѣзкою нитью проходитъ въ его болдинскихъ письмахъ къ друзьямъ и Н. Н. Гончаровой. Онъ приходилъ иногда въ положительное отчаяніе. „Будь прокляты тотъ часъ, когда я рѣшилъ покинуть васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это... Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума съ ея карантинами,—развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать?“.

„Передо мной теперь географическая карта,—пишетъ Пушкинъ въ другомъ письмѣ къ Н. Н. Гончаровой,—я смотрю, какъ бы дать крюку и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ. Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ не крюкъ, а ѣхать прямо въ Москву—значить семь верстъ киселя ѣсть (да еще какого? Московскаго!). Вотъ по истинѣ плохая шутка“...

Томительное и безуспѣшное ожиданіе ежедневнаго отъѣзда въ Москву было чрезвычайно мучительно для поэта. Порой на него находила безотчетная тоска и хандра; мрачныя думы роемъ поднимались въ его воображеніи; его пугала „неопредѣленность въ своей судьбѣ“; онъ опасался, что свадьба его оттянется на долгое время, даже совсѣмъ разстроится и все счастье его рухнетъ. Но если бы этого и не случилось,—то самое будущее, скорая и рѣзкая переменѣна въ его личной жизни рисовались передъ нимъ въ туманномъ призракѣ и стращали своей таинственной неизвѣстностью. И трудъ, и горе и лишенія—все это онъ предвидитъ, но счастье... будетъ-ли онъ счастливъ и не безумно-ли мечтаетъ объ этомъ? И не могъ онъ отдѣлаться отъ этихъ назойливыхъ думъ даже ночью. Одинъ, въ жуткой тишинѣ, въ темной комнатѣ онъ прислушивался къ однозвучному ходу часовъ, къ трепетанью спящей ночи; силился и не могъ сомкнуть глазъ...

При всемъ этомъ—онъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ живыхъ умственныхъ центровъ, вокругъ него не было ни друзей,

ни книгъ, ни журналовъ. Приходилось пробавляться „Кольриджемъ“ да „Московскими Вѣдомостями“.

Онъ несказанно былъ радъ каждой входящей до него вѣсточкѣ, каждому письму, хотя бы проколотому. „Простираю къ вамъ руки, писалъ онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ Погодину, и вопію голосомъ велимъ: поплите мнѣ слово живое ради Бога“. Въ своемъ невольномъ заточеніи, въ тягостной разлукѣ съ невѣстой и друзьями, А. С. Пушкинъ только и отдыхалъ за бумагой, отдаваясь творчеству съ рѣдкимъ, небывалымъ одушевленіемъ. Осень 1830 г., проведенная въ Болдинѣ, была дѣйствительно плодотворной. Насколько усиленно занимался здѣсь А. С. Пушкинъ литературнымъ трудомъ, можно судить по его письмамъ къ бар. Дельвигу въ шутовомъ тонѣ въ ноябрѣ 1830 г.:

„Посылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна и что коли твой смиренный вассаль не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоёмъ, литературный геній, пѣсни трубадуровъ не умолкнуть никогда“.

Нѣсколько позднѣе, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, А. С. Пушкинъ сообщаетъ и перечень написаннаго имъ въ Болдинѣ:

...„Скажу тебѣ за тайну, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда (въ Москву): двѣ послѣднія главы Онѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около 30 мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретно, для тебя единого): написалъ я прозою пять повѣстей“¹³⁾. Въ этомъ перечнѣ Пушкина пропущена еще „Лѣтопись с. Горохина“, вѣроятно, потому, что по первоначальному плану поэта она должна была служить вступленіемъ къ повѣстямъ Бѣлкина.

Въ концѣ ноября А. С. Пушкинъ, наконецъ, выбрался въ Москву, отсидѣвъ, однако, установленный срокъ въ Платовскомъ карантинѣ. Къ этому времени онъ успѣлъ заpastись свидѣтельствомъ на залогъ имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ.

Здѣсь, въ Москвѣ, въ скоромъ времени (18 февраля 1831 г.) состоялась и его свадьба.

¹³⁾ Повѣсти Бѣлкина.

Спустя два-три года послѣ женитьбы, нижегородское имѣніе дѣлается предметомъ новыхъ усиленныхъ заботъ А. С. Пушкина. Первые порывы семейнаго счастія довольно скоро смѣнились для него самой тусклой обыденщиной... Положеніе отцовскихъ дѣлъ по имѣнію было до чрезвычайности запутано. А. С. Пушкинъ заставлялъ иногда весь домъ въ слезахъ: вмѣстѣ съ тѣмъ и лично для него самого назрѣвалъ вопросъ о матеріальномъ обеспеченіи своего семейства въ будущемъ. Годовой бюджетъ его возросъ до чрезвычайныхъ размѣровъ, а условія для литературнаго творчества были теперь менѣе благоприятны, чѣмъ прежде. Имѣнія отца въ псковской и нижегородской губерніяхъ требовали для своего упорядоченія громадныхъ трудовъ и затратъ. Какъ ни велики были суммы, получаемыя А. С. Пушкинымъ за литературный трудъ сверхъ щедрыхъ царскихъ наградъ, однако и онѣ тонули въ морѣ долговъ отца, брата и его личныхъ. Чтобы успокоить старость отца и помочь роднымъ, А. С. Пушкинъ рѣшилъ взять въ свое управленіе сначала Болдинское, а потомъ и остальные имѣнія отца. Это обстоятельство отчасти и побудило его еще два раза побывать въ Болдинѣ, на очень, впрочемъ, короткій срокъ: въ 1833 году онъ пробылъ здѣсь мѣсяца полтора ¹⁴⁾, а въ 1834 г. — около полумѣсяца ¹⁵⁾. Но была и другая, болѣе глубокая причина, заставлявшая его искать уединенія. „Жизнь моя въ Петербургѣ ни т, ни се, — писалъ онъ въ началѣ 1833 г. П. В. Нащокину: заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга... Кружусь въ свѣтѣ... все эго требуетъ большихъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ трудъ, а трудъ требуетъ уединенія... Лѣтомъ съѣзжу въ Нижній да можетъ быть въ Астрахань“. Въ это время А. С. Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, усиленно занятъ мыслью о составленіи полной исторіи Петра Великаго; натолкнувшись случайно на матеріалы о Пугачевскомъ бунтѣ, онъ заинтересовался ими настолько, что рѣшилъ лично посѣтить казанскую и оренбургскую губерніи съ тѣмъ, чтобы потомъ удалиться въ Болдино для приведенія въ порядокъ всѣхъ собранныхъ имъ матеріаловъ; въ августѣ 1833 года онъ взялъ отпускъ и 2 сентября, проѣздомъ въ Казань, посѣтилъ Нижній. Городъ произвелъ на него довольно пріятное впечатлѣніе; улицы широкія и хорошо мощеныя, дома хорошей постройки. У мѣстнаго губернатора Бутурлина онъ встрѣтилъ радушный пріемъ и на другой день обѣдалъ.

Ярмарка уже кончалась, но Пушкинъ все же побывалъ на ней, побродилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Въ Болдино онъ прибылъ на обратномъ пути изъ оренбургской и казанской губерній 1 октября. Въ теченіе мѣсяца, проведеннаго здѣсь, онъ успѣлъ привести въ порядокъ свои записки о Пугачевѣ, создалъ одну изъ лучшихъ своихъ сказокъ. — „Сказку о рыбацкѣ и рыбацкѣ“, затѣмъ „Воеводу“, „Будрысь и его сыновья“, и кончилъ „Мѣднаго всад-

ника“. Въ общемъ однако, осень 1833 г. была не столь производительна, какъ первая болдинская осень: стихи его пока спали. Въ послѣдній, самый кратковременный прїѣздъ свой въ Болдино, Пушкинъ совсѣмъ ничего ни писалъ: онъ весь поглощенъ былъ хозяйственными и семейными заботами.

Управленіе имѣніемъ не доставило ему ничего, кромѣ горькихъ попрековъ, передрагъ и непрїятностей. „Вы не можете вообразить, писалъ онъ г. Осиповой въ 1835 году,—какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ (Болдино). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что спасти Болдино необходимо, хотя бы только для Ольги и Льва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство, или, по крайней мѣрѣ, бѣдность. Но я и самъ не богатъ, я имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня и которое безъ меня упадетъ въ крайность. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непрїятностей, ничего мнѣ не приноситъ. Родители мои и не знаютъ, что они шагахъ въ двухъ отъ раззоренія: если бы они могли рѣшиться пробыть нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли бы поправиться, но этого никогда не будетъ“.

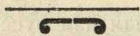
Но само Болдино, далекая деревенская глушь, было ему по душѣ. Не даромъ всѣ прїѣзды его сюда падаютъ на любимое имъ время осень; далекая деревня манила его своей патриархальной простотой, своей идиллической тишиной; сюда не долеталъ ни шумъ надоѣвшихъ бальныхъ танцевъ, ни злая сплетни враговъ: здѣсь можно было вволю поработать сколько душѣ угодно: и Пушкинъ не разъ подумывалъ о томъ, чтобы „бросить Петербургъ, подать въ отставку, да удрать въ Болдино—жить баринкомъ“. Это намѣреніе его не осуществилось только потому, что попытка подать въ отставку и „сбросить камеръ-юнкерскій мундиръ“ не удалась; онъ принужденъ былъ отъ нея отказаться, чтобы не навлечь на себя крупныхъ непрїятностей. Болдино не видало больше у себя поэта.

Въ 1835 г., по предложенію А. С. Пушкина, относительно Болдина и Кистенева состоялось взаимное соглашеніе наслѣдниковъ: одна пол. Кистенева была отдана Льву Серг., другая осталась за А. С. Пушкинымъ, а Болдино отходило къ С. Льву (отцу поэта). Доходъ со всей своей части Кистенева А. С. Пушкинъ уступилъ своей сестрѣ Ольгѣ Серг. (Павлицевой) съ тѣмъ, чтобы она получала доходы и платила проценты въ ломбардъ. Этимъ мы и заканчиваемъ свое бѣглое обозрѣніе внѣшнихъ фактовъ и обстоятельствъ, связанныхъ съ пребываніемъ А. С. Пушкина въ Болдинѣ.

Болдинскій періодъ оставилъ глубокой слѣдъ въ литературно-поэтической дѣятельности нашего великаго поэта, въ цѣломъ рядѣ прекраснѣйшихъ его произведеній, списокъ которыхъ мы

приводимъ особо. Съ этой стороны значеніе Болдинскаго періода выяснено въ нашей литературѣ достаточно и повторять этого мы не будемъ. Мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что пребываніе А. С. Пушкина въ Болдинѣ, въ непосредственной близости съ деревенской жизнью, играло, быть можетъ, не послѣднюю роль въ томъ переломѣ, какой отмѣчается въ общемъ направленіи литературной дѣятельности его въ 1831 г., когда въ немъ обнаружилось явное стремленіе къ эпосу, опредѣлившее всю его дальнѣйшую поэтическую дѣятельность.

А. М. Звѣздикъ.

С П И С О КЪ

художественныхъ произведеній А. С. Пушкина, написанныхъ
имъ въ Болдинѣ.

1830 г.

- Сентября 8. „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“... (Элегія).
 „ 14. „Станціонный смотрите ль“.
 „ 20. „Барышня-крестьянка“.
 „ 25. Кончена восьмая глава „Евгенія Онѣгина“,
 Сентября или октября 7 „Бѣсы“ и „Пажъ или пятнадцатый годъ“.
 Октября 1. „Шалость“ (Румяный критикъ мой).
 „ „Октябрь ужъ наступилъ“. Отрывокъ. (Помѣч. „Осень“).
 „ 5 (8). „Разставаніе“.
 „ 9. „Гробовщикъ“.
 „ 10. „Домикъ въ Коломнѣ“.
 „ — Изъ записокъ къ другу. (Куда же ты?)..
 „ 12. „)„Выстрѣлъ“.
 „ 14. „)“
 „ 16. „Моя родословная или русскій мѣщанинъ“.
 „ 17. „Стамбульскія гуры нынче славятъ“...
 „ — „Заклинаніе“.
 „ 20. „Метель“ окончена.
 „ 23. „Скупой рыцарь“ окончень.
 „ 26. „Моцартъ и Сальери“.
 „ 30. Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы. „Осень“.—
 „ Пиръ во время чумы“.— „Какъ весенней теплой порою!..
 (Начало сказки).— „Въ началѣ жизни школу помню я...“—
 „ Пью за здравіе Мери“.— „Царскосельская статуя“.— „От-
 рокъ...“.— „Риема“.— „Трудъ“.— „Критическія замѣтки“.— „Ро-
 дословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ“.— „О приличіи въ ли-
 тературѣ“.— „О драмѣ“.— „Отрывки изъ разговоровъ“.— „Аль-
 манашникъ“ (Сцены).— „Дѣтскія сказочки“.
 „ 31. „Исторія села Горохина“.
 Ноября 1. „Исторія села Горохина“.
 „ 4. „Каменный гость“ окончень.— „Я здѣсь Инезилья“.— „Предъ
 испанкой благородной“.
 „ 16. „Предисловіе отъ издателя къ повѣстямъ Бѣлкина“.
 „ 21. „Предисловіе къ восьмой и девятой главѣ Онѣгина“.
 „ 27. „Для береговъ отчизны дальней“.

1833 г.

- Октября 14. „Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ“.
 „ 28. „Воевода“.— „Будрысь и его сыновья“.
 „ 29. „Вступленіе къ Мѣдному Всаднику“.
 „ 30. „Первая часть Мѣднаго Всадника“.
 „ 31. „Вторая часть Мѣднаго Всадника“.— „Анджело“.— „На углу
 маленькой площади“.
 Ноября 4. „Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ“.

1834 г.

- Сентября 20. Помѣчена „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“.

Нѣсколько словъ къ портрету-литографіи, помѣщенному при настоящемъ очеркѣ.

Настоящій портретъ А. С. Пушкина снятъ со старинной, современной поэту литографіи, довольно хорошей работы. Литографія эта имѣетъ близкое сходство съ извѣстнымъ портретомъ А. С. Пушкина работы Кипренскаго, воспроизведеннымъ въ гравюрѣ Уткина; на первый взглядъ они кажутся даже тождественными, но при внимательномъ разсмотрѣніи легко установить и нѣкоторую между ними разницу: въ литографіи иной поворотъ головы, иное очертаніе носа и губъ; въ выраженіи глазъ больше живости; накидка вплотную примыкаетъ къ борту сюртука и т. д.

Не придавая преувеличеннаго значенія настоящей литографіи, мы, однако, думаемъ, что она заслуживаетъ вниманія уже потому, что принадлежитъ къ числу немногихъ предметовъ, связанныхъ съ пребываніемъ поэта въ Болдинѣ и съ самымъ Болдинымъ. Литографія эта сохранилась въ семьѣ діакона с. Шутилова, лукаюновскаго уѣзда, нижег. губ., *Феодора Кирилловича Раевского* († 1890 г.) и передана намъ сыномъ его Андр. Фед. Раевскимъ.

Отецъ Ф. К. Раевского—Кириллъ Семеновичъ былъ діакономъ въ с. Болдинѣ († 1864 г.) въ то время, когда сюда пріѣзжалъ А. С. Пушкинъ, былъ лично знакомъ поэту не только, какъ духовное лицо, но и какъ человѣкъ, отличавшійся нѣкоторой начитанностью, находчивый и остроумный собесѣдникъ. Близость его къ господскому дому сказала, между прочимъ, въ томъ, что жена Льва Серг. Пушкина была крестной матерью одной изъ внучекъ К. С. Раевского. Вѣроятно, отъ нея (если не отъ самого поэта) и былъ подаренъ на память К. С. Раевскому, благоговѣвшему передъ гениемъ Пушкина, настоящій портретъ-литографія, снимокъ съ которой нами здѣсь помѣщенъ.

Приводимъ здѣсь кстатѣ и тѣ отрывочные разсказы изъ жизни А. С. Пушкина въ Болдинѣ, которые мы слышали въ дѣтствѣ отъ Фед. Кир. Раевского, передававшего ихъ, разумѣется, со словъ своего отца—Кирилла Семеновича.

1) А. С. Пушкинъ занимался по ночамъ; всѣ на селѣ и въ домѣ спятъ, а онъ пишетъ; онъ былъ живой, порывистый; вскочить и ходить, ходить изъ угла въ уголъ задумчиво, заложивъ руку за спину; вдругъ садится къ столу и пишетъ, пишетъ; всегда передъ нимъ на столѣ чай съ ромомъ въ бокалѣ., ходить, попойдетъ—выпьетъ глотокъ, опять ходить, вдругъ къ столу и пишетъ, пишетъ...

2) Былъ у Пушкина въ Болдинѣ лакей, изъ болдинскихъ крѣпостныхъ, по фамили Торгашевъ. Пушкинъ часто бесѣдовалъ съ нимъ, шутилъ, бралъ съ собой на прогулки. Одинъ разъ А. С. Пушкинъ обратился къ нему со словами: „Торгашевъ, остриги меня, сними усы и бороду“*, потомъ засмѣялся и пригласилъ его съ собой ѣхать верхомъ въ „Лучинникъ“ (рощу). Но едва они успѣли завернуть за гупна,—откуда-то взялся заяцъ и перебѣжалъ дорогу. А. С. Пушкинъ тотчасъ-же вернулся домой. Дѣло было лунной ночью; А. С. Пушкинъ любилъ въ такіа ночи ѣздить въ „Лучинникъ“ (въ 2-хъ верстахъ отъ Болдина).

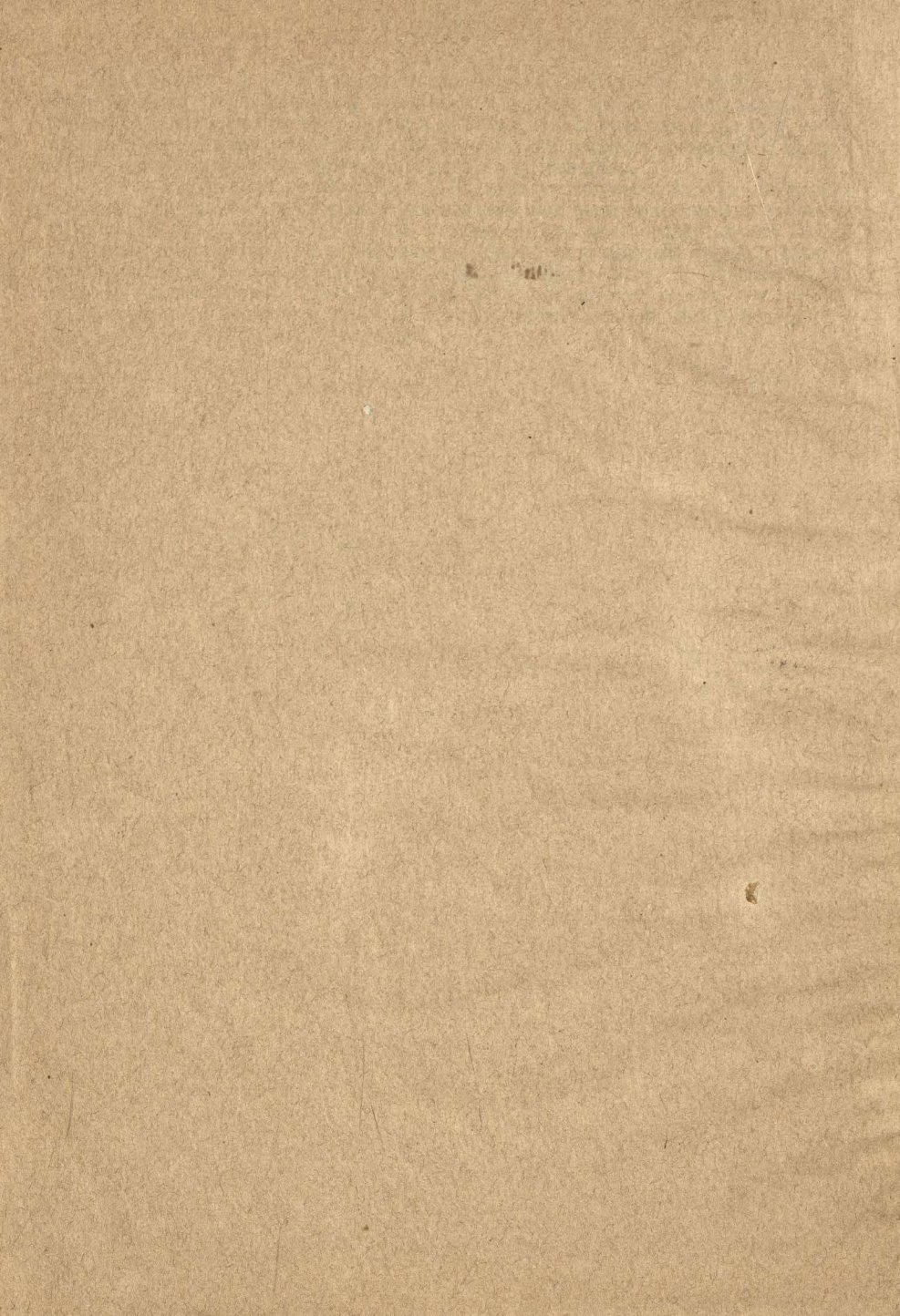
*) См. выше письмо Пушкина къ женѣ изъ Болдина въ 1833 г., стр. 14.

3) Однажды А. С. Пушкинъ пригласилъ къ себѣ причтъ отслужить молебенъ (было-ли это въ храмовой праздникъ 8 ноября или въ какой-нибудь „фамильный“ день,—неизвѣстно), а послѣ молебна предложилъ чай и закуску; когда члены причта усѣлись за столы, онъ вынулъ изъ кармана тетрадку и началъ читать, насмѣшливые“ (сатирическіе) стихи на духовенство.

4) А. С. Пушкинъ выѣзжалъ изъ Болдина въ тяжелой каретѣ, на тройкѣ лошадей. Его провожала дворня и духовенство, которымъ предлагалось угощеніе въ домѣ. Въ послѣдній отъѣздъ изъ Болдина имѣлъ мѣсто такой случай. Когда лошади спустились съ горы и вѣбжали на мостъ, перекинутый черезъ рѣчку,—ветхій мостъ не выдержалъ тяжести и широкнулся, но А. С. Пушкинъ отдѣлялся благополучно. Сейчасъ же онъ вернулся пѣшимъ домой, гдѣ еще засталъ за веселой бесѣдой и закуской провожавшихъ его, и попросилъ причтъ отслужить благодарственный молебенъ.

А. Звѣздиль.

НГОУНБ

0 6 1 6 9 2 7

Цѣна 10 коп.

Съ требован. обращаться въ „Книжный складъ
Нижегородск. Губернск. Земства“ (Н.-Новгородъ,
М. Печерская ул., д. Братства св. Георгія).